

Цензура моды, или Путин и вопросы языкознания

Между прочим, та бедная, засмеянная женщина, которую некогда угораздило выпалить: «У нас секса нет!», была не совсем не права. И даже более права, чем могла предположить. Секса действительно не было. Те общеизвестные телодвижения, которые ныне обозначают столь деловито («хороший секс» — как технологический термин), прежде обозначались кем — в словесности да и в быту — стыдливо-уклончиво, кем — в мужских похвальбах и на дверях общественных туалетов — откровенно похабно. И именно деловитость вне позывов любви да, кажется, и неотвратимой страсти утвердилась словцом-термином, на что, скажем, не решился даже — или тем более — чувственный Хемингуэй, не пошедший дальше словечка «это». Может, как раз потому, что был чувствен.

Рискую быть поднятым на смех, рассуждая на скользкую тему, но вот случай, когда словоупотребление впрямь нечто переломило в общественной психологии интимных отношений. То есть сперва отразило и выразило, а уж затем утвердило и узаконило.

Слово вообще способно на большее, чем мы, стихийные словотворцы, сами предполагаем.

Например: «модный режиссер... модный писатель...» — этот эпитет, который, наверное, льстит Кириллу Серебренникову или даже умному Григорию Чхартишвили-Акунину, начисто избавился от подозрительного оттенка, когда биограф Мейерхольда А.К. Гладков, цитируя мэтра, считавшего моду признаком лжеискусства, вслед ему комментировал: «...Настоящее искусство всегда... идет впереди моды, которой всегда присущи распространенность и массовый тираж... Мода — это всегда множественность копий...».

А «актуальное искусство», что говорится в безусловную похвалу? Прежде-то говорилось: «конъюнктурное», обозначая объект презрения, и разве эта перемена не отражает поистине тектонический сдвиг опять-таки психологии — на сей раз искусства?

«Слово — полководец человеческой силы»? Но и слабости. И глупости. И пошлости.

Надоело да и, казалось бы, поздно насмешничать над засорившей речь что обывателей, что интеллектуалов сорняковой оговоркой «как бы»; шаржированный вариант: «Я как бы похоронил как бы родственника». Из-за чего и Тютчева хотелось судорожно почистить: «Как бы резвяся и играя...». Так что я, помнится, необдуманно возликовал, когда треклятое «как бы» вдруг вытеснилось рефреном «на самом деле», — чем черт не шутит, подумалось, может, говорящая масса нюхом почуяла, ну, не опасность, на это мы традиционно не способны, но именно пародийную пошловатость зыбкой картины существования, которую сами себе и рисуем?

Какое там. Само по себе как бы утверждение как бы всамделишности, переведенное на уровень словоблудия, лишь доказало нетвердость нашего существования. В частности, исторического.

Свежее впечатление — прочитанная... Нет, виноват, недочитанная книга; дочитать «Вольтерьянцев и вольтерьянок» Аксенова, каюсь, не хватило терпения, как и талантливейшему автору не достало интереса к русскому XVIII столетию и его языку. Потому устраниюсь от целокупной оценки, позволяя себе даже обрадоваться, что былой друг получил как-никак премию «Букер». Я — лишь об одном свойстве романа.

Не говорю о всяких там «вельми», «естли», «сиречь», «понеже», которые без особенного учета временной прописки должны придать архаичный налет сегодняшнему бойкому говорку; торопею, правда, перед бесперечь повторяемым «уноши» и «унец» — это взамен «юношей» и «юнца» в повествовании о времени Фонвизина и Державина. Не ропщу — ну, честно признаться, стараюсь унять собственный ропот, когда Сумароков из Александра Петровича будто по оговорке оборачивается Александром Исаевичем, а нынешнее «до лампочки», словно архаизуясь, превращается в «до свечи». Что поделаться, общепринятые постмодернистские шалости. Волапюк взамен нормативной и дивной речи «столетия безумного и мудрого». Стеб с его «буттерброттерами», «романтисизмом», с «евонной типа супругой», даже — с «великим

чловизэко».

Дело не в этом. Дело в том, что все мои сомнения и вопросы, едва зародившись, повяли бы на корню.

Допустим, спрошу: а чего это Никита Иванович Панин произведен в генерал-аншефы, в то время как таковым был брат его Петр? Почему уже не автор-повествователь, но императрица Екатерина речет о Вольтере: «...от нашего шаловливого старче»? «Старче» — звательный падеж, что талантливому русскому писателю Екатерине Алексеевне было-таки ведомо. И т. д., и т. п. — спрашивать бессмысленно, ибо: «Сдурел?» — по своему праву может ответно спросить товарищ моей молодости Вася. «Это ж не твоя монография о Фонвизине, это мой — мой! — игровой и шутейный мир превыше всяческой там скрупулезности. Позабыл, что ли, пушкинские слова, что писателя (А.С. уточнял: драматического, но какая разница?) доѐлжно судить по законам, им самим над собою признанным?»...

И я опущу руки.

Да и опустил — уже давно дезертировав из рядов литературных критиков. Отчего с признательностью воспринимаю тех — немногих, — кто, как Андрей Немзер, Наталья Иванова, Владимир Новиков, до сих пор тщатся наводить порядки в махновском воинстве, в разброде напоминать о критериях, поминутно рискуя, что эти критерии всегда могут быть глумливо отвергнуты с воем: «Гуляй, Вася!». (В данном случае не Аксенова имею в виду.)

И гуляют. Гуляем...

В разговоре со мной Лидия Борисовна Либединская, в данном случае нелишне напомнить — урожденная графиня Толстая, рассказала, как ребенком, на рубеже 20—30-х, вбежала к бабушке: «Шамать дашь?». Та глянула: «Выйди из комнаты и приди в себя». И когда мы с Л.Б. принялись вспоминать, сколько уже в 30—40—50-х было великих чтецов великой прозы, коим был щедро отдаваем радиоэфир, — Яхонтов, Журавлев, Закушняк, Каминка, Ильинский, Антон Шварц, Всеволод Аксенов, Сурен Кочарян, — она добавила: при них, дескать, так говорить было действительно стыдно. Приходилось прийти в себя. Они сохраняли и охраняли русский язык, противостоя даже литераторам с их Земшаром или Пампушем (памятник Пушкина), уступавшим соблазнам советского новояза.

Теперь же... Теперь спикер Госдумы Олег Морозов, восхваляя в интервью красноречие Минтимера Шаймиева, восклицает: «Супер!», вероятно, желая явить близость к электорату с его языком. А путинские «мочить» или «тырить»?..

При той, еще не разрушенной системе русского языка сама Ахматова, в военный год прямо обозначившая собственный приоритет: «Но мы сохраним тебя, русская речь!..», — могла восхититься «Звездным билетом» того же Аксенова — и именно его мальчишеским сленгом. Радостно заявив: «Половины слов я не понимаю» (воспоминание С.И. Липкина). Это воспринималось ею как острый перчик, добавлявший пряности заезженной речи, — после того как государственная цензура долгие годы брала под мертвящий присмотр само слово, настолько, что не одни лишь языковые вольности Бабеля или Зощенко, но и диалектизмы верноподданного Шолохова искоренялись при переизданиях «Тихого Дона». А оговорки и опечатки карались, как лагерные «шаг влево, шаг вправо». Вот замечательный документ 1943 года — письмо Главлита о контрреволюционных опечатках «Сталинград» и «гавнокомандующий», что расценивалось как «дело рук врага».

Дикий диктат? Нелепая крайность идеологизации? Конечно. А нынче, как сказано, Гуляй-поле?

Ах, если бы, хотя и тут — диктат, только тусовки, а не власти и коллектива. Цензура «моды» и «актуальности». Но пусть даже и так — Гуляй-поле, идеологическая и языковая махновщина, интеллигентская волюшка сродни той, крестьянской, что поманила Опанаса, героя Багрицкого, пожить наконец на ничейной земле!..

Беда в том, что вправду — ничейной. Ничьей. Никакой. Реально не существующей. Призрак бродит по России, призрак нашей — нашей? — истории, нашего — нашего? — настоящего, нашего — нашего? — языка. И если веселое безразличие «Вольтерьянцев и вольтерьянок» к исторической фактуре можно хоть и не одобрить, не принять, но на худой конец хотя бы понять (так Давид Самойлов, воображая грядущего автора, у которого Пушкин поедет в серебристом автомобиле с крепостным шофером Савельичем во дворец к Петру, почти благодушен, воспринимая подобные сдвиги как неизбежность), то, говоря о сегодняшнем языке, преобладающем на ТВ, в быту да и в книгах, трудно не вспомнить концовку знаменитого рассказа Бредбери. О путешественнике во времени, который отправляется в прошлое из страны, где торжествуют демократия и законы правописания, но, неосторожно нарушив ход былых — мельчайших — событий, их невидимую связь, возвращается туда же — и не туда. По его, выходит, вине переменялась власть, став вульгарно-тиранической,

а речь исказилась до уродства...

Такая вот взаимозависимость. И ответственность. Тоже — взаимо...

Выходя за пределы «ихней» фантастики: страна, куда более нам с вами знакомая, где политики говорят на жаргоне блатном или, что, в сущности, то же, «элитном», тусовочном, где литература рабски подражает той улице, которой сама должна бы давать язык, где телевидение...

Да что толковать! Иммуитета лишается эта страна. Культурного иммунитета. Нравственного, естественно, тоже. И, в точности как юмор Дубовицкой и Петросяна, для начала невинно отбирая среди публики только себе подобных, начинает затем перевоспитывать в своем духе и прочих, тех, кто был как будто бы поразборчивее, опасно расширяя свою аудиторию, образуя дурную бесконечность, — точно так же, говорю, жаргонная, маргинальная, низкопробная речь, для выражения низкопробности только и годная: «супер», «клево», «круто», «типа того», «бабло» и «мочилово» плюс «разборки» и «стрелки»... Подумать, кому уподобляемся — или играем во что-то и в кого-то, как ненастоящие герои Аксенова в ненастоящем XVIII веке?.. Словом, вот это, такое становится языком народа.

Если только народ, который утратил язык не то что Толстого и Чехова, но своего собственного просторечия, вообще сохранит право называться народом.

Автор: Станислав Рассадин © Новая газета КУЛЬТУРА, РОССИЯ 👁 3750 12.08.2005, 15:09 📄 212
URL: <https://babr24.com/?ADE=23538> Bytes: 9788 / 9788 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)